

**КТО ОНИ ТАКИЕ – РУССКИЕ?
(ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ
В КНИГЕ В. ПОЗНЕРА «ПРОЩАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ»)**

М.Г. Лобан, Т.В. Лобан

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Загадочная русская душа... В чем ее неповторимость и уникальность? Хотя уже написано много трудов и научного, и художественного характера, однозначного ответа до сих пор нет. До сегодняшнего дня мы задумываемся над тем, почему пейзаж русской земли соответствует «пейзажу русской души» (Н.А. Бердяев). Отмечая непознаваемость, непредсказуемость, незапрограммированность русского характера, на ходу вспоминаем строки Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять...»

Попытки объяснить русский менталитет чаще всего предпринимаются с помощью пословиц и поговорок: народная мудрость точнее всего подмечает особенности русского самосознания (француз

боек, да русский стоек; русский в словах горд, в делах тверд; русские медленно запрягают, но потом быстро скачут; русский ум – хитроум; русскому здорово, а немцу смерть; русский человек добро помнит; русский ни с мечом, ни с калачом не шутит; русский терпелив до зачина и др.).

В учебнике «Русская культура: диалог со временем» (2013) предлагается следующее пояснение для иностранных студентов, изучающих русский язык: «Несомненно, некоторые особенности русского характера связаны с географическим положением России. Страна находится между двумя континентами, двумя цивилизациями – Европой и Азией, Западом и Востоком. Русская культура сочетает в себе черты как культуры Запада, так и культуры Востока, но при этом самобытна».

Развитие России было похоже на колебание маятника в часах. Можно сказать, что в начале своего становления Русь была частью европейской цивилизации, Московская Русь – восточной. Реформы Петра I сдвинули Русь в сторону Запада, а потом снова она повернулась в сторону Востока. Отмена крепостного права и реформы конца XIX века носили западнический характер. После революции 1917 года усилились восточные черты. Они проявились в особенностях политического режима, структуре власти, социальной иерархии. Перестройка 1985 года обратила страну к западным ценностям. Историческая и культурная жизнь России всегда отличалась нестабильностью, она постоянно изменялась, часто была непредсказуемой» [2, с. 30].

История создания книги Владимира Владимировича Познера «Прощание с иллюзиями. Моя Америка. Лимб. Отец народов» (2015 г.) подобна колебанию маятника на часах: написанная двадцать один год назад по-английски, она была отдалена от русского читателя, ибо ждала своего второго рождения – перевода на русский язык. «Уж слишком трудно она далась мне, чуть подожду», – успокаивал себя автор [3, с. 2]. «Прошло восемнадцать лет, и вот наконец я книжку перевел. Дав ей отлежаться некоторое время, я с чувством выполненного долга стал читать русский вариант... и ужаснулся: я понял, что в таком виде она выйти не может. Столько всего произошло в моей жизни за эти восемнадцать лет, столько изменилось в моих взглядах, столько из того, что казалось мне верным тогда, сегодня верным не кажется... Как быть? Можно было, конечно, «осовременить» текст, так сказать, подправить его, и тогда мой читатель поразился бы тому, что я еще восемнадцать лет назад был необычайно прозорлив...

Я решил оставить книжку такой, какой она была. Но при этом снабдить каждую главу своего рода комментариями к написанному, комментариями, отражающими мои сегодняшние взгляды, – эдаким хождением взад-вперед во времени» [3, с. 8].

«Впервые в русской литературе XXI века автор решается честно порассуждать о вопросах национального самосознания, вероисповедания,

политики и особенностях русского менталитета, – сообщает русскому читателю издатель в аннотации и искренно добавляет: – Отчаянно желая стать русским, он до сих пор пытается разобраться, кто же он и где его настоящая Родина» [3, с. 2]. В заглавии, в композиции мемуаров четко просматривается принцип «маятника Фуко»: путешествие во времени начинается с описания «американского периода» автора, затем идет подробное воспоминание о западноевропейском «лимбе» – существовании между, «не там и не здесь», потом презентуется осознание чувства восторга от того, что поезд «Берлин – Москва» уносит от какого-то кошмара во «время прекрасного сна» [3, с. 267]. «Мучительная боль, ностальгия по будущему, невыносимое состояние человека, зависшего в пространстве, находящегося и не здесь, и не там, ожидание, молчаливая мольба – все это было позади. Наконец-то я возвращаюсь домой. Я никогда не пересекал порог этого дома, но дом тот я выстроил в своем воображении, и это был самый желанный дом во всем мире», – делится своими сокровенными мыслями с читателями В. Познер [3, с. 267].

Биография этого человека удивительна: он родился во Франции, детство провел в Нью-Йорке, а через 18 лет попал в Россию, страну, которую боготворил его отец.

Проблема идентификации русских исследуется автором со всей тщательностью и начинается с установления родословия Познеров: «Предки отца, испанские евреи, еще в пятнадцатом веке бежали от инквизиции и остановились, лишь достигнув города Познани, где и осели – отсюда фамилия Познер. Через несколько веков, уже после того, как Польша стала частью Российской империи, один из более предприимчивых представителей рода Познеров пришел к выводу, что в централизованном государстве выгоднее всего жить в центре, то есть в Санкт-Петербурге, и отправился туда... один из его не менее сообразительных потомков, прикинув, что в России явно лучше быть русским и православным, нежели евреем, стал выкрестом, тем самым одарив эту ветвь клана привилегией считаться русской и, что более существенно, освободив ее от традиционной для России дискриминации евреев» [2, с. 15].

Эту историю в семье Познеров старались чаще замалчивать, нежели вспоминать. Но именно она сформировала из автора ярого атеиста, который с улыбкой на устах рассказывает о заигрываниях с верой: «Эта готовность отмечать религиозные праздники по форме, но не по содержанию представляется мне вполне типичной чертой русской интеллигенции. Советские люди с энтузиазмом празднуют Пасху и по григорианскому календарю, по которому живет почти весь мир, и по юлианскому, по которому живет Русская православная церковь, не говоря о еврейском Пейсахе, и подобного я не встречал больше нигде. То же относится и к Рождеству, которое празднуется и 25 декабря, и 7 января. Понятно, что в стране атеистической эти религиозные праздники не

являются официальными, но большинство выпивающих и закусывающих по этим дням тоже не сильно верующие» [3, с. 24].

Весьма серьезные выводы делает мемуарист о взаимодействии церкви и демократических институтов советского государства, об их влиянии друг на друга. По мнению В.В. Познера, наиболее высокий уровень жизни встречается в протестантских странах, «за ними следуют страны католические, и на последнем месте – православные. Полагаете, это случайно?» [3, с. 29].

Идентификация (от лат *identificare* – отождествлять) – отождествление, уподобление, опознание, установление совпадения объектов [1, с. 400]. Многие исторические события мемуарист оценивает весьма откровенно, сравнивая социальные, культурные и бытовые взгляды русских, американцев и европейцев. Профессия политического обозревателя заставляет автора в проблемах идентификации быть объективным, а иногда и ироничным: «...многие намекали – мол, с фамилией Познер русским быть нельзя, и это было крайне неприятно, даже унижительно. Просто я ощущал, что по сути своей я – не русский. А что это значило конкретно? Ответить почти невозможно, потому что почти невозможно дать точное определение «русскости». В одной из моих телепередач Никита Михалков сказал, что русским может быть только тот, у кого чего-то нет, но нет не так, чтобы оно обязательно было, а так, что и хрен с ним. Допускаю... Но этот характер, склонный к взлетам восторга и депрессивным падениям, эта сентиментальность в сочетании с жестокостью, это терпение, граничащее с безразличием, это поразительное стремление разрушать и созидать в масштабах совершенно немислимых, это желание поразить и обрадовать всех криком «угощаю!» – при том, что не останется ни рубля на завтра и не на что будет купить хлеб для собственной семьи, эта звероватость вместе с нежностью, эта любовь гулять, будто последний раз в жизни, но и жить столь скучно и серо, словно жизнь не закончится никогда, эта покорность судьбе и бесшабашность перед обстоятельствами, это чинопочитание и одновременно высокомерие по отношению к нижестоящим, этот комплекс неполноценности и убежденность в своем превосходстве, – все это не мое» [3, с. 60–61].

Отвергая всякого рода нестабильность, В.В. Познер стремится к открытости и свободному диалогу (чисто по-американски), он сохраняет сдержанность и корректность (по-европейски) и честно замечает: «Да, временами я мечтал о дне, когда смогу с гордостью сказать: «Я – русский!» Это было в Америке, когда Красная Армия громила Гитлера, это было потом, когда мы приехали в Берлин, это было, когда я получил настоящий советский паспорт, при заполнении которого мне следовало указать национальность – по маме (француз) или по папе (русский), и я, ни секунды не сомневаясь, выбрал «русский», это было тогда, когда исполнилось мое заветное желание и мы наконец-то приехали в Москву»

[3, с. 61]. Вся дальнейшая жизнь в России подтвердила высказывание эсесовского офицера, «на самом деле оказавшегося английским разведчиком»: «Знаете, нет ни одного народа в мире, который способен преодолевать трудности так, как это делаете вы, русские. Но к счастью для нас, нет ни одного народа в мире, который так умеет устраивать трудности самому себе. Прав был английский разведчик, прав» [3, с. 58].

Самым ярким во взрослении В. Познера стал «московский период»: прощание с иллюзиями проходило постепенно, так как постоянно наступали на пятки американское и европейское прошлое отца и матери, напоминало также еврейское происхождение. Этот этап был самым сложным еще и потому, что борьба за самоутверждение совпала с материальными трудностями, с постоянными конфликтами с отцом, со временем становления мужского характера и собственного мировоззрения.

В Россию приехал молодой человек с другим мировосприятием, умный, образованный, думающий. Он воспринимал окружающий мир и людей не так, как все, он мог сравнивать и делать выводы. Процесс идентификации проходил очень интенсивно.

Помогали этому перерождению и люди, с которыми знакомился Владимир Познер: Нина Павловна и Иосиф Давыдович Гордоны, Кирилл Викторович Хенкин и др. Смысловая цепочка «русскости» дополнялась новыми понятиями, новыми людьми, новым жизненным опытом, новыми традициями: русский – православный – красный – советский – homo sovieticus («новый человек»). Восхищали люди, умеющие в трудных условиях выстоять и не роптать, живя в коммуналках, люди, сумевшие пройти через лагеря ГУЛАГа и оставившие в душе человечность. «Можно провалить любой экзамен, кроме одного: экзамена зеркала. Каждое утро вы встаете и, глядя в зеркало, бреетесь. Так вот, не дай Бог, чтобы когда-нибудь вам захотелось плюнуть в свое отражение», – учил Владимира Кузьма [3, с. 346].

«Неполных пяти лет пребывания в Советском Союзе вполне хватило, чтобы понять, насколько реальность отличается от того, что я ожидал встретить. Но этого срока было достаточно, чтобы у меня возникло чувство глубокой привязанности к этой стране. Здесь чужая культура, чужой язык, которым я овладел лишь недавно. К тому же мой личный жизненный опыт привел к тому, что мой взгляд на Америку стал меняться», – таков был вывод автора [3, с. 351]. Вскоре последовал отъезд за границу. «Маятник Фуко» вернулся в прежнее состояние.

Таким образом, книга В.В. Познера «Прощание с иллюзиями» стала еще одной страницей в формировании междисциплинарного контекста «идентичности», так как в ней автор продолжил европейскую традицию дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности». Идя по пути от «идентичности» к «самоидентификации», мемуарист придает «акту самопонимания» публичный характер. Концепция «этически окрашенного

самоутверждения ответственной личности» постулируется автором: «...человек находит себя вне себя самого, в своем деянии и в этом отношении «делает себя» [1, с. 402].

Список основных источников

1. Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
2. Мошинская, Н.В. Русская культура: диалог со временем: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык / Н.В. Мошинская, Н.М. Разинкина. – М.: Русский язык. Курсы, 2013. – 416 с.
3. Познер, В.В. Прощание с иллюзиями. Моя Америка. Лимб. Отец народов / В.В. Познер. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 384 с.